

СОЗВЕЗДИЕ

классики и современники

Геннадий
Каневский

КАК ЕСЛИ БЫ

ГЕЛИКОН + АМФОРА
Санкт-Петербург
2006

Каневский Г.

Как если бы: Стихотворения. — «Геликон Плюс / Амфора», Санкт-Петербург, 2006. — 100 с.

ISBN 5-93682-304-0

Оформление серии Дм. Горчева

*На обложке использована фотография
Екатерины Мнацаканян из серии
«Морфология взаимосвязей».*

© Г. Каневский, текст, 2006

© А. Цветков, послесловие, 2006

© «Геликон Плюс», оформление серии, 2006

Памяти Ирины

I. KAR

2004

я полежу еще знаешь
в чайник ударит вода
глуше и глубже когда
воздух водой заменяешь
будто к вискам прижимаешь
серые кубики льда

день заменяешь зажатой
в пальцах солонкою ты
голос кипеньем воды
медноволосая жанна
пятна на скулах от жара
газовый венчик плиты

помнишь смотрели рекламу
знаешь мы вместе сгорим
мир превращается в рим
привкус библейского срама
дверь неопрятная рама
утренний хлеб маргарин

мне пора отвыкать от моей жизни,
от этой пугливой кареглазки,
любящей французскую речь (странно, с чего бы? —
никогда не питал пристрастия к галлам),
вздрагивающей от звука рвущейся газеты,
забывающей включенный уют в середине прежней
вселенной
(и тем самым — дающей начало новой).
да поможет мне старый мадьяр Сорос
и аггелы его — различные фонды,
да укрепят меня, да поддержат в этом,
да настроят биос, да отладят программу.

мне пора привыкать к моей смерти,
к моей радости рыжей, зеленоглазой,
возлагающей персты на мои веки
так легко, что угадать невозможно
кто стоит за спиной, от кого пахнет водой канала,
старыми камнями, нагретыми нездешним солнцем,
плесневелой коркой, лимонной цедрой.

но
только покажется, что отвык от первой, кареглазой —
промелькнет в подъезде, за стеклом вагонным
улыбнется
неизвестно кому, в магазине книжном
с полки глянет.

но
только покажется что привык ко второй, рыжей —
убежит на тот берег, к пьяному сброду,
пришлет записку «не жди обратно. ненавижу».
утром ткнет невидимым пальцем
с обкусанным ноготком неопрятным
в длинный список погибших на первой странице
газеты.

видно, не сдать экзамен,
не проснуться в легком облаке рано.
вместо этого придут люди с алюминиевыми глазами
(как солдатские ложки),
скажут: «где список книг, что ты должен был
прочитать за лето?
почему не отвык от жизни?
почему не привык к смерти?»
и нечего им ответить.

Владимиру Луцкеру

— Когда лениться надоест,
И надоест терпеть —
Закрой глаза, промолви «свет...» —
И распахнется клеть,
И нет ни дома, ни угла,
Ни крошек со стола —
Есть войско правого крыла
И левого крыла,

Есть рукоять во тьме руки,
Есть щепень под ногой.
— Ущекотать сии полкы
Пускай придет другой,
Придет какой-нибудь Боян —
Богат певцами юг.
— Пусть не запомнят, где стоял,
Но как упал — споют.

— Речь ожидает немота —
И вся тут недолга.
Нужна Ивану — Калита,
Как пятая нога.
— Труби — падет Иерихон,
Из звуков выйдет толк:
Гляди — таится за леском,
Как волк, засадный полк.

.....

От них остались — небеса,
Нательные кресты,
Их будут щетками листать,
Лопатками скрести,
И выхватят годину сеч
Неверным светом фар...
(Четвертый класс. «Родная речь».
Издательство «Дрофа»).

По второму каналу опять — сериал,
По четвёртому — трёп о любви.
Я пельмени купил. Я пятьсот разменял.
Не ругайся. Шифровку прими.

Доставай из комода свой ключ запасной.
Передатчик дыханьем согрей.
Мы — не крови одной, мы — спецслужбы одной.
(Алекс — Юстасу: «Выпьём. Налей».)

Просто нас угораздило жить свысока,
Видеть вещи с другой стороны...
Нам отдали с лотка, по цене коробка
Спичек — пару мгновений весны.

Я красивую форму в ломбард отнесу.
Я кресты и нашивки спорю.
Я покончу с собою в баварском лесу.
(Для тебя — на работе сгорю).

Ты ж — не выдай, смотри, агентурную сеть,
Отпирайся и стой на своём:
«Он — такой же, как все.
Он — такой же, как все».

Не ругайся.
Как слышно?
Приём.

вагон метро. круговорот теней.
стоять еще плотней, еще больней,
тепло и смрад затравленно вдыхая,

и повторять, летя из тьмы во тьму,
тебе, себе, а в общем — никому:
«еще чуть-чуть. сейчас уже «тверская»

вот — краткий свет и мрамор подкидной,
и снова — перегона перегной,
и с каждой минутой — все темнее.

как не пропеть судьбу перед концом
тому, кто с изменившимся лицом
нащупывает пуговку на шее?

Не грусти. Не реви. Я —
Просто так, пошутил.
«Вавилон — Ниневия».
Скорый поезд — в пути
Третий месяц. Никак мы
Не приедем туда,
Где под крыльями цапли
Пламенеет вода.
Там, безумен и жречен,
В аккурат — зиккурат,
Пряный дух Междуречья,
Плеч твоих аромат,
Но прекрасной и строгой
Жертвы лучших кровей —
Лупоглазые боги
Не хотят, хоть убей.
Да и ты не готова
За меня — на костёр,
Как — по вещему слову —
Сорок тысяч сестёр.
Губы тонкие, пояс,
Плотно сжатый кулак...
Оттого этот поезд
Не доедет никак.

На закате — перевернутое небо:
Сверху — тучи, снизу — чистая полоска.
Если стражу вопрошаешь по-эффески —
Обязательно ответят по-родоски.

Не печалься. Наши сумы — переметны.
Наши души замирают пред грозой.
День уходит вслед за стаей перелетной,
И ахейцы отдают обратно Трою.

Отдают ее назад, в порядке бреда,
Поименно, по частям, под крики чаек,
Ибо тяжкая, ненужная победа —
Только лишний груз за хрупкими плечами.

Лучше мы — от порта к порту — позабавим
Сброд гуляций — лихо слепленным рассказом.
В перерыве между девками и баней
Третью выпьем — и четвертую закажем,

Чтобы стража, перешептываясь, знаки
Подавала друг у друга за спиною:
«Этот грязный оборванец — царь Итаки».
И шумело тяжело море за стеною.

Говори, галерник. Ты первый, кто воротился, но наших было триста — и где же теперь они?
Расскажи, как под злую музыку Яна Тирсена напрягали мышцы, вытягивали ступни.
Как за десять лет до того забрели в селение чужеземцы — и начинали издалека: показали рекламный плакат с прекрасной Еленой, называя ее «подругою моряка»;
как за пару лет перед тем, белозубым отроком, ты глядел на далекое море из-под руки, забывая, что — хил, что с детства подвержен обморокам, что судьба на небе сужает свои круги — говори. Не ты ли плюнул на предсказания, по чужим деревням собирал голоштаных — и обучал походке моряцкой, шуткам казарменным, безобразным песням, метанью ножей, любви?
Что молчишь, галерник? Вспомнил? — кнуты и пряники, арестантской цепью скованные ряды, как ходил меж вами горбатый хозяин пьяненький, заслонясь щитами своих холуев гнедых, как десяток лет за светящейся чудной краскою совершали рейды: в Сирию — и назад.
И сияли глаза Елены.
Глаза прекрасные.
На носах галер
нарисованные
глаза.

Фонари над предместьями Рима.
Запах рыбы. Веревки. Белье.
Говори, не дури, Форнарина,
Рыжекудрое пламя мое.
Мы там не были, только — фатальным,
Украинским, частящим — поет
Голос твой, подголосок италий,
Мимо дня, мимо сна, мимо нот.

Все я помню, мнемоник проклятый:
Чуть заметную складку у рта,
Целлулоидный твой сорок пятый,
Надоевшее «феличита»,
Как по бюстам тугим тосковали,
Как копались носами в белье,
Как под свист Лилианы Кавани
Ты давала ночному портье.

Проходи, проходи, посторонний.
Брысь, профан — ничего не поймешь.
Медным югом на грязной ладони
Нам протянут полуденный грош —
Кинозал, догоревший окурок,
Кровь-любовь из открывшихся ран,
И рыдает в углу полудурок,
Тыча пальцем в погасший экран.

Твои горшечные растения,
Твоё искусственное лето —
От Рождества до Вознесения —
Под лампами дневного света.
Ты гладишь трепетные стебли их.
Ты смотришь, всё ль у них в порядке...

А он — остановился в Эболи
И слёг от местной лихорадки.

Его встречали в каждом домике,
Мели, пекли на этот случай,
Но у тебя на подоконнике
Нет трав от смерти неминучей.
И стынет розовая выпечка,
Посыпана мукой ванильной,
И никого уже не вылечить
Питьём и трапезой обильной.

Се — наша родина: изюм, сабза, урюк.
(Минута радости — и доктор обеспечен).
Базарной, вязкою слюной увековечен —
Отпустят ниточку — и вырвешься из рук,

И — поднимаешься... Внизу — минуты три
Еще следят, еще волнуются: «Ну, что там?» —
Потом расходятся. И с этих пор — полетом
Ты управляешь сам. Бесшумно. Изнутри.

Под оболочкою — никто не разберет,
Как сердце звонкое, до времени, играет:
То путь нащупает, то снова потеряет,
То рифму пробует, как дети — первый лед.

Отпустят ниточку — и небо пустоты
Бумажным голосом беседует с тобою —
Настойкой опия, настольною луною —
И молча слушает, как отвечаешь ты.

Надо бы жизнь начинать с запятых,
Время и место отсчитывать с лета...
В восемь утра на высотах твоих —
Легкий туман и гимнастика света.

День разминается перед грозой,
В белом пуху и мелькании крыльев,
Яркий, чахоточный и молодой,
Как живописец Феодор Васильев.

Мы никому ничего не должны
Кистью, мазком, сочетанием литер.
Дверь приоткроем с другой стороны —
Не разглядели? — ну что ж, извините.

Мокрого луга трава — высока.
Краткий привал. Живописная нега.
И — облака, облака, облака,
Заполонившие тесное небо.

В том августе, в той середине сна,
Под кожурою яблочного рая —
Твои соски — как темных два зерна,
Твоя строка, обида и вина,
Твоя любовь, обветренная, злая.

Короткой стрижкой приоткрытый нимб
Чуть виден, и слегка дрожит от ветра.
Ты — мальчик-мой-святой-Иероним.
Я был раним, а нынче — нелюдим,
Бесамемучась раною ответной.

Тупым предметом жизнь нанесена
Из-за угла. Теперь — болит затылок,
Внутри идет гражданская война,
И снится штукатурная стена,
Веревка, табуретка и обмылок.

Но, не свернув на этот разговор,
Прижму к губам облезлое зеркало:
Ты видишь влагу? — Был веселый вздор,
Во граде — мир, и в рюмочке — кагор,
И сердцевина яблока мерцала.

Словно сонмы ангелов, поющих над бездною,
Мы заводим песенку свою бесполезную.
Не спеша спустившиеся в зал ожидания,
Мы заводим песенку себе в оправдание.

И звучит отчаянно вокзальная музыка,
Возвращая едущему звание узника,
Возвращая поезду значенье укрытия
До предполагаемого часа прибытия.

Там нас встретят те, кого не ждём, на перроне, и,
Выйдя неуверенно, как посторонние,
Мы услышим песни, что не слышали ранее,
И забудем спетое себе в оправдание.

И увидим медленно, как море полощется
Адмиральским флагом за широкою площадью.
Как на лунной карте накануне затмения —
Море обещания и море забвения.

Кто жизнь, будто пулю в ночи, расписал,
Заранее прикуп узнав,
Тому — на морской белоснежный вокзал,
И — пальмы, и — вечная love.

Кто пальмы и love ещё в школе прошёл
И смертью храбрых погиб,
Тому — на молчание, на посошок,
На ход бестолковой ноги.

Оставь упования и следуй за мной
На темную станцию Дно,
Где ночью в вагонное смотришь окно —
И видишь другое окно.

Где в горле першит штукатурная смесь.
Где смерть — продуктовый набор.
Где нас ожидает автобус-экспресс
До Пскова. До Пушкинских Гор.

кряхтит пророк в отечестве своём
на тридцать три локтя закопан в землю
в зернь проиграла чернь и солдатня
хорошую дублёнку что привёз
тому назад шатаясь по европам
по молодости автостоп и пьянки
девчонки сами прыгали в кровать
за лекции наличными платили
ну как же как же говорили призрак
тень гамлета отца читали в детстве
забыли правда автора но всё же
мол всё смешалось в доме периньона
ла вида эс фуэнте овехуна
а он не возражал изобретатель
властитель дум перехватитель горла
передаватель соли за столом
не хлеб изгнанья хлеб возврата горек
кряхти теперь богатый бедный йорик
на тридцать три
в отечестве своём

Юле Идлис

Ангел спустился с небес, принес весть, надиктовал текст, перечеркал весь, убрал запятые, поправил произношение, выдумал новые правила.

Господи, не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого.

Ибо се есть не ангел, но бес.

К истинным ангелам поднимаешься сам, по шажку, поутру, идешь по миру, как стучишь по ребру изнутри — отвори, шпажку игрушечную свою убери, щелкун-мой-принц, вот сейчас я вдохну, и по счету три от головы до яиц пройдет дрожь и откроется сквозной канал, тот, что в краску тебя вогнал.

А ты гляди, не отводи, как он будет идти босиком на холоде, со стеклом в груди, весь ложь и правда, весь блеск и прах, с пузырьками бешенства на губах. И еще гляди, бормоча «прости», как ведет он за руки тонких в кости, запинаящихся о каждый стих зеленоглазых и рыжих детей своих.

Потому что здесь, у нас в городах, он боится людей и не ходит один.

— карточку-заказывали-ну-что-там?
жалобы симптомы два года спортом
повернитесь к свету открытым ротом
датчики на шею и в область паха
— надо побороть в себе чувство страха
мокрая рубаха при звуках баха
ну а ждешь трамвая она сухая
надо бы не так ну а как не знаю
доктор буду жить — я вам так сыграю
так вам напишу посвящу вам лично
мне это нетрудно почти привычно
— а так вы из этих? смотрю ледащий
пишете небось яко тати в ноци
случай ваш несложный куда уж проще
говорите резче молчите чаще

я живу за стеной — ты живешь за стеной. наблюдатель — на крыше живет жестяной. то ли липскеров он, то ли веллер — слышишь малошумящий пропеллер? знаешь, кто-то варенье крадет по ночам, кто-то тещу таскает весь день по врачам, потому что в отсутствие тещи наблюденье значительно проще. а потом они записи — птицам поют, те — красивым радисткам их передают, ну а что на уме у радистки — знает только эрцгерцог австрийский. вот — на уровне слуха — родился сюжет, вот издатель нашел, как потратить бюджет... отступаем, мой друг, отступаем, и тираж понемногу скупаем. мы найдем, что с ним делать, с таким тиражом: то ли в трудные годы в печурке сожжем, то ли в дар поднесем папильотки для морячки, солдатки, разводки... нету лучшего дома, чем временный дом: ежедневный автобус «гоморра—содом», и водитель — старинный приятель... глянь — на крыше сидит наблюдатель?

И.ЕСЛИ

1993-2003

Мати Севера, плавная Нево,
Поднеси-ка мне жизнь для сугрева —
Я застыл на холодном ветру.
Поутру — из ДомЖура на Ваську —
Вспоминая ревизскую сказку,
Нос белеющий варежкой тру.

География трещин и рытвин.
Самый воздух мучительно бритвен.
Если хочешь спасенья — пригнись,
Или скройся в ближайшем
парадном...
Как живут они здесь — непонятно,
Саша, Оля, Светлана, Борис.

Их стихи, их прерывистый голос,
Их особая, терпкая гордость,
Их звонков скуповатая медь,
Их победы, причуды, простуды,
Их коньяк из прозрачной посуды —
Отменяют случайную смерть.

Ты умрешь — но умрешь неслучайно:
Где-то в саечной, рюмочной, чайной,
Пирожковой, стоячей пивной,
Среди корюшки, Невского пива —
Полетишь, улыбаясь счастливо
Сладким звукам «Еще по одной...»

Так творится посмертная слава.
И дымятся — то слева, то справа —
Среди льда облаков — полыньи,
Сквозь которые в небо рябое
Саша, Оля, Светлана и Боря
Посылают сигналы свои.

Ты была мне дана, словно зреньё и речь,
А теперь ты — молчанье и тьма.
Ты — погасшее пламя. Остывшая печь.
Зыбкий запах проклятия. Место, где лечь.
Танец тени, сошедшей с ума.
Эту тень, эту злую, овечью метель
На ладони качает зима.

Пахнет греческим йодом и буквою йот.
Буквой сигма, сумой и тюрьмой.
Филология музыке жить не дает,
И четвертые сутки мычит и поет
Призрак Оперы глухонемой:
Тосковал по родимой стихии — и вот
Веселится, вернувшись домой.

Но ведь есть же пространство, которому дан
Не бессмысленной дудочки звук,
Не убитый давно символистами Пан —
А горячий, бессонный, живой океан
Наших слов, наших тел, наших рук?
Ну, иди. Мы когда-нибудь встретимся там.
Стынет, хлебом накрытый, граненый стакан.
Кто-то машет рукою вслед белым листам —
Поездам, уходящим на юг.

Лето. Жара и томление духа.
В небе смеется полуденный бес.
Город берут поджигатели пуха,
Взяв зажигалки наперевес,
И над водой — язычками, мгновенно,
И по асфальту, мечась и треща,
Легкое пламя остатки вселенной
Не устает целый день поглощать.
Строки Овидия — высшая школа!
Сердце — закон и живым, и гробам!
Жарким огнем — не дыханьем Эола —
Страсть прикоснулась к открытым губам.
Веришь, что можно живыми остаться?!
Слишком большая у страсти цена:
Черные лужицы — пуха останки —
Это — сухие ее семена.

Жить в холодной стране. Холоднее, чем эта.
И, мечтая о юге, ходить в канотье,
чуть прищурив глаза от белесого света,
отраженного в серой прохладной воде,
и жалеть, что судьба не кидает под ноги
гальку южных морей, палестинский песок,
и копить на поездку на море, убогий
урезая, учительский, хлеба кусок.
Старомодный, нелепый пиджак чесучовый,
стук бамбуковой трости о гладкий гранит,
да касается губ шелестящее слово,
да терновника куст пред глазами стоит...
Видно, холод рождает виденья такие.
Видно, воздух — прозрачный, бодрящий, живой.
Видно, жизнь такова — холоднее России,
то есть, надо понять — холоднее всего.

Утихнет ветер. И тогда
Стемнеет. Как-то резко, сразу.
И станет светлою вода
Речная – видимою глазу;

Расширясь, выйдя из игры,
Займет весь мир легко и точно.
И пастухи зажгут, цепочкой,
Для душ озябнувших – костры.

Закрой глаза. И этот вид
Запомни. лягу я – подвинься.
В бидоне плещет молоко.

Телега старая скрипит
Ночными берегами Стикса.
И перевоз – недалеко.

Ты спала, и мир умирал во тьме.
Становилась пресною соль. Тревога
Начинала мышью скрести в уме.
Плесневели карты чужих земель
Под твоей подушкой. Ногами бога
Холод сны предутренние месил.
И воды не стало в ручьях и реках.
Ты спала, а я из последних сил,
Словно заклинанья, произносил
Буквы, нарисованные на веках.

Вариации

I.

В движеньи мельник жизнь ведет, в движеньи...
Но отчего в груди такое жженье?
Как будто проросли в нее шипы
Из воздуха — предвестники ухода,
И корчится постылая свобода
Под свист и улюлюканье толпы.

Я — здешний мельник. Или — здешний ворон.
Как все вокруг, махать крылами волен,
Изображая ветер стран иных,
Но что такое деньги — я не знаю.
И лишь в руке немеющей сжимаю
Простую горстку камешков цветных.

Еще сказали — дочь была... Но, право,
Ее судьба — веселье и забава,
А я уже захлопнул эту дверь.
Зачем ты смотришь на меня, прохожий?
Я вижу: у тебя — мороз по коже —
В утробе скрыт многоочитый зверь.

Расставим же жилища по порядку:
Две мельницы, и легкую палатку,
Дом сумасшедший над рекою — друг
Веселых криков и ночного воя,
И — через тьму воды над головою —
Пролет моста, ведущего на юг.

II.

Блажен, кто посетил сей мир,
В киоске взял бутылку пива
И начинает скромный пир
За двадцать пять секунд до взрыва.

За двадцать пять. Четыре. Три.
За две. Одну. Уже — за двадцать.
И некий холодок внутри
Ему помог бы догадаться.

Блажен, кто звездною тропой,
Своею собственной орбитой,
Сам у себя над головой,
С бутылкой пива недопитой,

В кругу таких же, как и он,
С полупрозрачною котомкой,
Над безобразною воронкой
От зла и боли вознесен:

Ему сияет вдалеке
Непостигаемое нами,
Он, кровь нащупав на виске,
Лепечет чудными словами
На незнакомом языке.

Terra Australis

Е.Ч.

Я буду там, где ты прикажешь мне:
Где трещина на каменной стене
Себя считает молнией Господней,
Где след еще не стерт от колеса
Переселенца, где царит овца,
Где каждый двор, хоть камешком, но — скотный.

Там выгрызут зубами на коре,
Что Мэри любит Джона, что в норе
У старых лисов — племя молодое,
Что долг людей — работать, засучив
Рукав, что за холмом — Барьерный Риф,
За ним — обитель вечного покоя...

Я буду тем, кем мне прикажешь ты:
Копать канавы, возводить мосты,
Сажать леса рукою неумелой,
Петь песни хрипло, на манер гуляк,
И прятать слезы глупые в кулак,
Благословляя молодых омель.

Вернуться никому не суждено.
Стучи, топор. Жужжи, веретено.
Слоняйся, время, у калитки рая,
От гибели — на рыжий волосок,
Пересыпай безумье и песок,
Скрипя смычком и ветру подвывая.

Вариации-2

I.

Вот и кончилась музыка. Палочкой вниз
Дирижер указывает на скромную жизнь
Фотография три на четыре.
И на выходе — давка: спешат в гардероб.
И такси отъезжают, и дышит метро,
И окурки намокли в сортире.

Вот и кончилась музыка. Помнишь, была
Стопкой нотной бумаги у края стола.
Впрочем, в части второй, после Брамса,
Старички зашептали: «Сейчас — авангард»,
И, поднявшись, построились чопорный ряд,
И, кряхтя, поспешили убраться.

Вот и кончилась музыка. Жизнь началась.
Слышишь? — Жизнь! (Со смешком) — Потому что
для нас

Всякий выход — подобие входа,
Так как нету дверей, что ведут в никуда:
Если кончилась музыка, значит — ну да —
Есть отсутствие музыки. Кода.

Повторение акта. Словес пластилин.
Предугаданный смех. Предсказуемый сплин.
Сделав кассу, ликует контора.
Разложив на коленях засаленный лист
Анонимки, выводит Давид-тромбонист
Заголовок: «Начальнику хора».

II.

Кто замысла сырую глину предал —
Тому едва ли музыка по силам.
Кто любит речь, высокую, как небо —
Тот опоздал на пиршество Расина:

Все выглядит заплаканно и сиро —
Перо. Подтяжки. Пагуба. Потребя.

Такой у нас в Гипербореях климат:
Напиться — и писать. Какая малость!
На букву «П» не стало слов счастливых —
Едва одна «поэзия» осталась:
Звонящих слов рассыпанный стеклярус.
Евтерпа, утешающая Клио.

Там слезы в горле чистые лелеют,
И крупными кусками режут воздух.
Но веку не нужны следы от клея.
Единство места, времени и позы.
Четыре тома примечаний грозных.
Война и мир. Эмали и камеи.

Дни Иова. От каждой рифмы бедной
Твердеет воздух хлопковый и ватный.
Мы не увидим знаменитой «Федры»
В старинном многоярусном театре.

.....
.....

ИЗ «ТРЕХ БЛАГОСЛОВЕНИЙ»

На хлеб

Хлебом корми их с руки.
Вздутыми пузырьками.
Кисленьким запахом дрожжевым.
Духом живым тоски.
Плотью и голосами.
Всем, что еще не превратилось в дым.

Хлебом корми их с руки.
Слышишь — щебечут?
(А говорил — схоронили давно).
Ангелы-дурачки,
Старые вещи,
Черной пластинки колкое веретено.

Хлебом кормить — нынче одна отрада.
Странные времена.
Белый бесплотный шум.
Если придет любовь — сладкого винограда,
Если придет война —
Хлебушка попрошу.

У моря шепот Бога
Слышнее, чем в местах
Иных — и Нильса Бора
Охватывает страх.
Он на песок присядет,
А полчаса пройдет —
Он с дикими гусями
Отправится в полет.

Несите Нильса, гуси,
К Великой старой скво,
К морщинистой бабусе —
Праматери всего.
Испачканная сажей,
Всея Земли вдова,
Она ему расскажет
Строенье вещества,

Истопит баньку жарко,
Предложит сто услад,
И объяснит про кварки
И ядерный распад.
Заснуть под это пенье,
И видеть дивный сон —
Но сердце, как пропеллер,
Унять не в силах он.

Едва глаза закроет —
И чудится ему:
Идут солдаты строем
В египетскую тьму,
В довременное пламя,
В какой-то адский рай
Идут они цепями
Гусиных белых стай.

Несите Нильса Бора
Назад, в родимый дом,
Где Копенгаген скоро
Заблещет под крылом.
Пробраться осторожно
К себе, и обувь снять.
Спи, ядерный художник.
Не все ж тебе — не спать.

В переходе через тьму
(Запах, вспышки, сучий потрох)
«Научи меня всему!» —
Говорит невинный отрок.
Ей нетрудно научить:
Накладные ногти, перья —
Но не греет, а горчит
Дар любви и песнопенья.
Кончен вечер выпускной.
Слово новое явилось.
И дрожат от страшных снов
Потерявшие невинность,
Потому что жгуч и гол,
Перепачкан кровью, спермой
Приснопамятный глагол —
Самый дивный. Самый первый.

Я сижу в середине Москвы на потертой скамье.
Одинокое теплое пиво — напиток богов.
«Эвоэ!» — на бульваре вакханки кричат, — «Эвоэ!»,
Добавляя совсем уж нелепый припев про любовь.
По обрывку газеты я знаю: сегодня четверг,
Так что — радуйся, путник: рабочей неделе — каюк,
И философ на Трубном бульваре небрит и нетрезв,
Ибо нынче в ларьке гегельянский напиток дают.
О, свобода веселая выбора! Бритва ума —
По трехдневной щетине сомнений — туда и сюда,
И холщовая пухнет от книжек мудреных сума,
И тюремной Неглинки журчит под землю вода,
Потому что — ты знаешь — тебя я любил не всерьез,
А любил — эту теплую пыль на босых площадях,
Где листает Москву языком приبلудившийся пес,
Души прежних хозяев на тонкой веревке веда.

Н.К.

Лучшая из моих масок мной еще не надета —
Ледяной леденец для венецийского карнавала,
Сочетание черточек, точек и пятен света —
То, что ты пером самобеглым нарисовала,
Сидя в кафе за столиком, замечая пернато,
Немигающе-птичьи, прохожих в окне подробном,
Краем глаза фиксируя, под мелодию Pizzicato
Five, внезапно сменившуюся чем-то громоподобным,
Как легко и доверчиво с раскрытой тобой страницы,
Прыскающая в ладошку на мой стихотворный лепет,
Дерзкая, бесшабашная, не в силах остановиться,
Спрыгнет твоя сестренка — рыжеволосая Пеппи.
Так танцуй в моих снах, дочь старого капитана!
Плюнь в компот педагогам за их унылые саги!
Каждая твоя яркая веснушка — будто петарда,
Радостно взрывающая мир холодной бумаги.
Нынче бумага — кончилась. Завтра пересечемся.
Где-нибудь на Покровке, возле воды и лета.
Пусть все будет неправильно. Пусть все будет нечетко.
Из загогулин, черточек, точек и пятен света.

По утрам купаю губы в шоколаде я,
Сном и трубкой провожаю корабли...
Это — вечность. Это — Новая Голландия.
(Ибо старую искали — не нашли).

Это — капли набухают, труса праздная.
Это — дети копошатся и пищат.
Это — жизнь моя, сырая и напрасная,
Из покрытого смолою кирпича.

Бомбардир и господин соседней дворницкой
Поздним вечером сойдутся в домино —
И хрустит под их ударами, и морщится
Просмоленное, тугое полотно —

Парус, держащий наш мир, кредит доверия...
Жмет, зараза, но привычен, как сапог,
Как ближайшая подвальная остерия,
Где в себе я адмирала превозмог:

Нынче нам, отставникам, не к месту чваниться,
Кружкой по столу стучать, и лезть к огню...
Принимай же меня, Новая Голландия.
Наливай же мне, мин херц, еще одну.

По каналам, по задворочкам коломенским
Понесет нас, по темнеющим полям...
Надо, надо отдохнуть, и успокоиться,
И довериться воздушным кораблям.

Поезд, ход замедляющий.
Будка. Насыпь.

Лучшее из занятий —
Мостостроенье:
Как бы иначе видели
Это, боком
Медленно повернувшееся
Пространство.
Нежится, золотясь
Под неярким солнцем,
Между двух гор — долина
С прищуром речки.
После стены лесной —
Покидает зренье
Тело — и путешествует,
Где придется.
А в небесах — такие же
Арки, своды,
Видимо, послужившие
Образцами.
Легкой стопе — опора
При переходе
С западного — к восточному
Краю неба.

Лучшее из занятий —
Мостостроенье:

Ангелы — начинают,
Мы — продолжаем.

Лето забытое. Желтый подсолнух на синем
Фоне — в шкафу платяном — из-под джинсовой куртки.
Юбки такие в прошедшем сезоне носили.
Их привозили сюда темнолицые турки.

Многоглаголющие, черноусые, злые —
Где вы теперь? Только снега знобящая вата.
Или и впрямь Одиссей не доплыл до России
И затерялся в горячих просторах Леванта?

Что ж, закрывайте глаза и захлеб говорите.
Переживем эту зиму — и станем моложе.
Тот, кто в Керчи засыпает — проснется на Крите,
Встанет, потянется, рыбы к обеду наловит.

Только вот — эха не слышно, и не оставляет
Следа — нога. Всюду — запах смолы и иссопа.
В небе — ни облачка. Так у живых не бывает.
Яду, Калипсо...
Зови женихов, Пенелопа...

Да, скифы мы. Да, азиаты мы.
Зазубренные, пыльные холмы.
Чертополох у древних стен тюрьмы.

Мы каждый раз визжим, бросаясь в бой
На чью-то тень, на ангела с трубой,
На репродуктор, лающий «Отбой!»

У нас — другие символы. У нас —
Слонов безумных боевой запас,
Шесть рук, четыре жизни, третий глаз.

А европейский гений наносной —
Чердак, последний дюйм, культурный слой,
И — материал для книжки записной

В какой то жизни новой. В запасной.

Начинай. Мне уже не осилить четвёртой октавы.
Мне и так эта дудочка жизнь сократила на треть.
Как узоры на глине, на склоне белеют отары.
Я бы умер давно, да они не дают умереть.
Каждый день, просыпаясь, не мог восхищённого вздоха
Удержать, замерев — и доньше, увы, не могу.
А всего-то, всего-то, казалось бы — сепия, охра
Да зелёный листок на недолгом январском снегу.
Сядь на старый диван, продырявленный пулями моли,
Нацеди мне чайку, да вчерашнюю почту проверь.
Чёрта с два напишу потрясенное бурное море —
Так и буду скупую слезой разбавлять акварель.
В жёлтых пальцах сжимая осколок забытого Крыма,
Чепуху, сувенир, безделушку десятых годов,
Так и буду валяться на старом буфете — открыткой,
Обедневший потомок былых генуэзских родов,
Что, тетрадь открывая, фиксирует ветер, погоду,
И валютные курсы, и всё, что ещё предстоит
У Эвксинского Понта, где волосы слиплись от пота
Возле старого порта — дремотного входа в Аид.

Серхио Бойченко

Походкою хмельною,
Неверной — вдоль забора.
И голос — за спиною,
Развязный и уверенный:
«А вот и наш Негоро!»
Нет-нет, я не Негоро.
Я — Себастьян Перейра,
Торговец чёрным деревом.
Пока вы упивались
Изысканной строкою,
Пока вы наслаждались
Сенекой, Прустом, Кафкою —
Я грязною рукою,
Я потною рукою,
Я дерзкою рукою
Хватал за вымя Африку.
Я подносил вождям их
Отвар болиголова,
И ром вливал, как в топку,
В подставленные головы,
И вез в вонючем трюме
Невиданное слово —
Горячую похлёбку,
Кипящее глаголево.
А вы, брезгливо морщась,
Читали Бичер-Стоу,
С оливковою веткой
И канарейкой певчею.
Вы обличали рабства
Излишнюю жестокость,
И, наградив посмертно,
Отправили на пенсию...
Я сочиняю танка,
Я сочиняю хокку,
Я сочиняю вирши

Из люрекса и латекса,
Но ночью — стоит рухнуть
В расстеленную койку —
Идет Великий Мганнга,
И — никуда не спрятаться.

Ты черкни мне. Я пойму.
Я — понятливый такой:
Только слово разобрал —
А потом пойдёт само.
Страшный третий глаз на лбу
Этой маски золотой —
Есть монгольский Шуудан,
Доставляющий письмо.

Бог расходов и затрат
На почтовые листы,
Непроизносимых слов,
Штемпелей и сургуча...
Только зыркнет — и летят
Быстроконные гонцы,
По-монгольски «задавлю!»
Встречным весело крича.

Я покуда — почту жду,
И в бинокль из окна
И гумно, и пыльный шлях
Наблюдаю делово...
Что-то в рифму напишу —
Взяв бутылочку вина,
Отмечаю оный факт
Испиванием его.

Время мартовских котов
И великого поста...
Я вчера во сне видал:
С криком «весточку лови!»
Посреди большой степи
Ты танцуешь у шеста...
Вот ведь, мать твою, Урга,
Территория любви!..

К.Б.

Бумажный змей исчез, покинув тёплый дом.
Обрывок бечевы. Становится темнее.
Идут его искать — с фонариком и сном,
С горячим молоком, с баранками на шее,

И юная звезда, упав с небес ночных,
Мерцает светляком среди воды проточной.
Калитки старых дач, и кофе на двоих —
Прибежище любви и неги непорочной.

Каким тебя огнём сманить на берег тот?
Каким зелёным сном тебя увлечь, зазнайку?
И будет, как всегда, мяукать серый кот,
Без усталости ища ушедшую хозяйку.

Вернуться в этот день, зернистый, как творог,
Журчащий, как вода среди камней привычных...
Я — улетевший змей. Я в небесах продрог
От белых облаков — от стражей приграничных.

Свежая рыба у Яффских ворот.
В небе — плавник: приношение Богу.
День припекает, и плавится лед,
И чешуя налипает и жжёт,
И засыпает душа понемногу.

Свежая рыба, зелёная медь.
Душу пятнает блаженная плесень.
Хочется петь, но уже не успеть.
Капает с неба тягучая смерть —
Камедь и мёд — заменители песен.

Рыбник я. Рыбник. А то, что внутри —
Строки пустые. Забудьте об этом.
«Эй, подходите! Чешуйки пестры!
Молоки! Жабры! Бочонки икры!» —
Жизнь подпекает блестящим монетам.

Створы тяжёлые Яффских ворот.
Нищим запас подаяния роздан.
Входит и снова выходит народ.
Ходит толчками ворованный воздух:
Выдох — как выход, а вдох — будто вход.

Мите Плахову

Что ж, начинай собирать чемодан, Улисс.
Пой свои песни перемещённых лиц.
Крепче вяжи слова, затягивай жгут.
Пой о тех островах, где цирцеи ждут.
Пой свою жизнь из радости и вранья.
Где-то лежит другая — но не твоя.

Путь между скал — обманчивый, но прямой.
Скалы сдвигаются. Плавится за спиной
Море, и пламя брызг — над твоим плечом.
Пой, играя в «холодно — горячо».
Чудо морское плеснуло тугим хвостом.
Диво какое! Как же не петь о том? —

Пой. Это — всё, что умеешь. И если страх
Ночью придёт играть на твоих костях,
Глухо кряхтеть, выкрикивать «нечет», «чёт» —
Пой. Это — всё, что можешь. И вот — ещё:
Надо ночные химеры зажать в горсти,
Крепко глаза зажмурить, и жизнь свести

В точку, неразличимую вдалеке.
Там — твои одноклассники. Весь Ликей.
Храмы возводят, красят концы стропил,
Возят руно, погибают у Фермопил,
Плачет жена, и никак не закончит шарф.

Пой. А мы — отойдём. Не будем мешать.

Андрею Дитцелю

Чисто московские вещи —
Снег да возок расписной...
«С запада, с запада...» — шепчут
Девки за нашей спиной.
Всеми ветрами продуто
Лёгких камзолов рваньё —
Видно, постигли капуты
Языкознание моё.
Видно, мы зря поменяли
Бычий пузырь — на слюду.
В нашем приходе, я знаю —
От кистеня не уйду.
Режут ножами парсуны,
Свищут, гуляют на все.
Были вы дикие гунны —
Так и остались досель.
Нам ли службист оголтелый
(Усики, пуговиц медь)
Едкий отвар чистотела
В каждой избёнке иметь
Всем указал? — Поневоле,
Пятна да чирьи сведя,
Песней тугой, броневойю
Встретишь явленье вождя.
Лекции, тайные сходки —
Так и скрипим до сих пор.
Лишняя стопочка водки —
И начинается спор:
Щёки - пунцовее маков,
Дым дорогих сигарет,
Длани вздымает Аксаков,
Фигу — Грановский в ответ.
Друг-переводчик, затепли
Свечку в окне слюдяном:
Мы соберёмся, помедлим,

Что-нибудь переведём.
Спит переулочек узкий.
Спит полицейский фонарь.
Пахнет карболкою Русско-
Нижнесаксонский словарь.

«*Nie ustaje w napowietrznym biegu...*»

Czesław Miłosz

— О чём ты бежишь, утренний бегун в парке?
О чём неслышно рушишь воздушные арки,
врата света, встающие перед тобой незримо?
О чём возвращаешься, падающие листья целуя,
о чём волочит стопу, припадая слегка на цезуре,
бегущий рядом ризеншнауцер-сучка по имени
Рифма?

— О тебе бегу, наблюдатель, с пятого этажа глядящий,
воздвигающий эти врата, откладывающий в долгий
ящик
всё на свете, заслышав осипший тростник знакомый.
О тебе, даже и тогда не выходящий из дома,
ссылаясь на геморрой, на лень, на тёплое лоно,
когда мимо тебя пробегают твой истинный звук,
настоящий.

— Обо мне? Не может быть. Не могу поверить.
Отвернусь от окна, уткнувшись взглядом в картины, в
двери, в засохший вереск...
Мне волнения запретили терапевт и знакомый сексолог.

— Отвернись. Но учти — больше о тебе не пробегу ни
разу.
Не замедлю быстротекущее время, не дарую радость,
Что ты мог бы познать, следуя ритму моих кроссовок.

Эта кожа прилипла к тебе под дождем.
Это время срослось с твоей левой рукой.
Я тебя рисовал за четыре гроша
И глядел,
Не дыша,
Как разглаживал дождь складки кожи твоей,
Как у всех на глазах ты моложе, стройней
Становилась,
Но билась подспудная мысль
Тонкой жилкой на темени: «Времени нет —
Я кощунствую — скоро прервет этот бред
Сам Создатель, ревнуя ко мне...»
Наши тени смыкались.
Икали друзья,
Вспоминаемы нами во сне.
Я проснулся в четыре. Я все уже знал:
Чемоданчик — вокзал — успеваю к семи,
Виновато шнурок теребя,
Ты идешь в этот дождь,
В этот день,
В этот мир —
Будто я не придумал тебя.

III. БЫ

2005

Заклинания Святогорского уезда

*...И если это место — край земли,
Оно не самый крайний край земли.*

Мария Степанова

1.

все залавки, запечки, задвижки,
все ухваты, горшки и углы,
ссыпки, схроны, комбеды, излишки,
тараканьих провинций углы,
первоклассники, пригостишки —
возвращайтесь, откуда пришли.

стой, как перст, посредине равнины,
непроглядной, холодной, ночной -
свиток, свернутый из мешковины,
голос ветра — свисток костяной,
как дитя на конце пуповины
перехвачен струною стальной.

2.

да молчи ты. тут один вчера запел.
что осталось — и тебе не покажу.
тихий шепот пограничья на тропе.
слева — чужь. пойдешь налево — пропадешь.
это снег, но говори, что это — дождь.
у мостков на переправе не дежурь.
просто медленно разуйся — и вперед.
перевозчик нынче тугрики берет,
а обменник по субботам — до пяти.
на фонарик. доберешься — посвети.

3.

между собакой и волком,
между светом и тьмой,
между зимней осенью и осенней зимой,
на окраине мира, где хлеб пекут,
наберу всей жизни на пять секунд.

когда падал — и не дали упасть.
когда засыпал — и не дали заснуть.
когда начинал — и не дали начать.
когда любил тебя.
когда не любил тебя.

на этом встану и буду стоять.
слово мое крепко как образа.
слово мое хлестко как ёбтвоюмать.
ей Господи, когда начну умирать —
вспомни и отведи глаза.

4.
лбом горячим упирался
в горы темного стекла
говорил что жизнь прошла

козлоногий арапчонок
углежог и плотогон
стих арине — «арион»

няньку вечно кликал мамой
за живот держась во сне
было много на челне

но иные напрягали
он же радостен и мал
никого не напрягал

5.
на соседнем хуторе
ветер оборвал провода
а электрик запил

электрический голос
повторяет последнюю фразу
за кем угодно

лучше слушай
тихий шепот керосиновой лампы

керосина осталось на сутки

запаса лучины — на двое

звездного неба — на неделю

нравственного закона — на месяц

потом будет новая жизнь
имена и тени

придут и волки
числом девять

никто не виноват

ничего не делать

стоящий за окном театр провинциальный.
манишки выходной воротничок крахмальный.
то серых луж партер, то неба бельэтаж —
утеха старичков и юных секретарш.
закат не стоит дня. антракт не стоит мессы.
висящее ружье стрельнёт в начале пьесы.
меж действующих лиц — шести или семи —
затерян невзначай вдовец с двумя детьми.
в беседе он кряхтит, глядит себе под ноги,
и вспоминает, как, с цветами на пороге;
и, взятый автором навзрыд и наугад,
краснеет, кашляет и убегает в сад,
где встретятся на бис, вдали от наших взоров,
все мастера реприз и боги эпизодов,
где музыка навек, и Чехов молодой
знай сыплет тихий смех из ложечки в ладонь.

завалило снегом, снами.
день загадочен и мглист...
оставайся, мальчик, с нами —
будешь модник и стилист.
приспособа навесная —
приложенье к январю —
по дороге в капернаум
пригодится, говорю.
атавизм былого века
пусть волочится в пыли —
перепончатая вера —
помесь блуда и любви.
знай, бреди себе, прохожий,
и, покуда не воскрес,
ощуцай озябшей кожей
злой прищур твоих небес.

яне

ты нищая страна с раскосыми глазами
ты воздух надо мной приют саманных крыш
когда я говорю на языке цунами
ты смотришь си-би-эс и плачешь и молчишь
твой бог твой сукин сын идет к тебе по водам
его любовь сильна твоя судьба сильней
подуй мне на ладонь и отпусти на волю
свободную от каст и кланов и семей
предсмертная вода не бормочи спросонок
в экран где поутру с лихой пометкой спам
летит сквозь интернет потерянный ребенок
читай не узнавай пересылай друзьям
читай не узнавай переводы на идиш
водобоязнь мою не торопись постой
ты терпишь говоришь поешь и ненавидишь
а я — я лишь слежу за лентой новостной

связист I

вези в хамовники, к той памятной пивной,
где жизнь случайная над кружкой разливной,
где мебель сборная, как сборная солянка,
и талалихина геройская таранька
летала листьями, кружилась надо мной.

шрам от ранения. нашивка за морковь,
в полях спасенную от ранних холодов.
крест третьей степени за альпы и кремону.
а здесь могла бы быть медаль за оборону
москвы-старушки от невидимых врагов.

идут, неслышные, за осенью — зима,
и даже дворникам приход их — дик, неведом.
а мы — справляемся, с помощником-соседом:
два заклинания, сто грамм перед обедом,
звезда геройская и — золотая тьма.

связист II

ты бежал по бескрайнему полю под свист базуки
ты беседовал с проводами беря их в руки
а теперь лежишь безучастный ко всем спиною
говори со мною
приходи к нам в ужас мы посидим спокойно
приходи в отчаянье тут у нас нет попкорна
разливное пиво душевные анекдоты
приходи ну что ты
я-то знаю все вечера твоих одиночеств
назовут связистом а дальше крутись как хочешь
жди пинков зуботычин команды флажка сигнала
обеспечь канала
частоту когда захочет бывало главный
попиздеть со своею любой своею клавиой
зажимай зубами крепче под артобстрелом
санитарку в белом
всё они судьбою вертят они тихони
боже морзе сын попов дух святой маркони
никому не верю точка тире две точки
словно мед цветочный
эту жизнь твою зернистую крупным планом
в предпоследний миг остановленную стоп-краном
покажу повзводно поротно побатарейно
если будет время

как если бы жизнь начиналась — окном.
дождем синеватым, рассказанным сном.
бельем на веревке дворовой.
тарзанкой твоей двухметровой.
резинкой, картинкой, вином, домином.
кином про расклад беспонтовый.

как если бы ты в моей жизни — была.
жила до сих пор, паутинки плела
крючком — из оборванных ниток.
любви отдавала избыток.
цвела, облепиху водой развела.
(ругаемый мною напиток).

как если бы вдруг, заскучав, собралась.
у двери, помедлив, рукою взялась
за нитку — за малую малость —
и все на глазах развязалось.
и только — окно. как распахнутый глаз,
с которого жизнь начиналась.

[translit]

в полутёмном кафе
в полудикой стране
на последнем краю интернета
полудохлый джедай
(судя по указателю — в азии где-то)
подключаю wi-fi

как течёт
между пальцев коннект
как коньяк в моей рюмочке блещет
ставь скорее зачёт
за изящество слога
(письмо моё
резче же
резче)
ты любила И.К.
и французский
и стильные вещи
остальное не в счёт

не касаясь листа
лишь по клавишам бой барабанный
не входя в этот круг
не участник твоих matinee
дон хуаном не стал
буду гансом твоим христианом
(на translite писали оне)

трубочист
пленник детских фонетик
нелюбитель детей
вырезатель картинок из книг
что угодно
наклеечку
фантик
билетик

бесполезно
тебя не забыть
(нужен новый язык)

чу
ведут языка
кириллических знаков не знает
(притворяется видимо
больно уж сильно строка
на ветру застывает)
допросить
а пока

посижу в холодке
на родном языке
на майорке
на мальте
на крите
(подойдите
хоть что-то спросите)
что за привкус в строке
мне неважно
на том же translite
с журавлём в небесах
и оптической мышью
в руке

А.Новикову

проникает в сон поутру голос. не земной. не небесный.
«караван идёт в бухару. есть одно свободное место.
кто вчера сушил сухари, отзывы учил и пароли?
видеть купола бухары — стоит самой долгой дороги».
это я иду в бухару. это у меня в середине
светится, пока не помру, песня о ходже насредине.
песня о бездарном купце, в поле закопавшем монету,
и о непутевом отце, семя раскидавшем по свету.
где теперь шатают ветра сыновей моих бестолковых?
может, их к себе бухара собрала, как пыль на подковах?
может, на базаре найду? зелень, куркума и корица.
помолись, последний в ряду, если ты умеешь молиться,
за того, кто утром, в туман, на пустом дворе —
многократно
взглядом провожал караван. плакал. возвращался
обратно.

Е.В.

ногтём нелепый узел поддеваем.
распутываем спутанные дни.
подходим, подливаем, подпеваем —
повремени ещё, повремени,
пока в кусково не закрыл ворота
омоновец, суровый цербер дня:
ему плевать, о чём поёт пехота,
дух вечный повседневым бременя.

где разливали балтику-семёрку —
забвенье, запустение и тлен,
и помнит, помнит ржавую селёдку
сей аполлон, топыря хладный член,
но под мостом ещё вода живая
течёт, не умолкая ни на миг,
кувшинками и ряской прозревая,
закладывая день за воротник.

за что мы, в самом деле, погибли?
за эту цепь, что закрывает вход?
за этот молью траченный гербарий?
за нострадамус-сбудется-вот-вот? —
ну да. за то, что этот день — не первый
и не последний в череде потерь.
за то, что deus и тебя conservat,
как он conservat omnia, поверь.

Левша, тебя надули: пред тем, как в землю лечь,
в котомке ты по Туле таскал родную речь —
подковки ей приладишь и подобьешь гвоздей,
измажешь в шоколаде — не пляшет, хоть убей.

Не лепо ли ны бяше? — не лепо, говорят,
коль речь твоя не пляшет, слова одни болят.
Да на слова больные, надерганы из книг —
мы сами удалые, рванувши воротник.

На звоны колоколен, сухой костяшек щелк,
возьми ты немца, что ли, датчанина еще,
еврейской крови Фета, для бойкости пера,
да польского навета на Русь, et cetera.

Но не забудь при этом в горячей слить печи,
и пьяному рассвету земному научи.
Вон плюх ей насовали — на совесть и на страх.
Играет плясовая — аж слезы на глазах.

Ек.М.

петродождь с петроградом с утра недостатки
объедки излишки
плюнь в глубокий колодец двора и увидишь ответ
фотовспышки
это значит следят за тобой взором падают в оптику
хмуρο
щипачи из журнала hey boy незаконные дети гламура

их ладони ветров холодней их волос неприглаженный
ёжик
сфокусируют время камней и на смутные тени положат
и пускай ты не это напел не внимая укору и крику
во дворах бесконечных капелл жилы тянут иную
музыку

нажимай свою клавишу дня упивайся татарским
набегом
если в жизни цветная фигня уступает листьям
чернобелым
если что-то такое узнал про законы полуденных литер
тот кто дождь и московский вокзал объективом как
ластиком вытер

В.А.Гандельсману

в этой жизни отдельной,
над невой, поутру
(истопник — оператор котельной,
массовик — интегратор-затейник,
литератор-гуру) —
крики чаек «к началу!»
кверху занавес взвит.
много водки и крепкого чая.
ёршик утра. прочищены чакры.
голова не болит.
застывает обмылок
нежной плоти земной
среди пачек балетных, опилок
золотых, неглубоких могил
на кладбищах весной,
а для третьего акта
нет дыханья и сил.
то-то горькую пьют аргонавты,
и в ночном кабинете редактор
ходит, жжёт керосин.
бедной жизни затеи —
монплефир, одеон.
прыгай здесь. это — родос. расстелен
голубыми снегами растрелли
у ростральных колонн,
и выходят на холод
из присутственных мест —
клык мелькает. вздымается хобот.
серп сверкает и падает молот.
театральный разъезд

зимний, белый — сахарной ватой. летний, сильный —
духи climat.
как сказала а.а.ахматова «вам попкорна? — сошел
с ума!»
и, бежавший мимо по случаю, найман, шустрый,
как птицелов,
закивал головой могучею в подтверждение этих слов.

превращаются в эпос хроники, заслоняется рифмой
грош.
два цветкова на подоконнике — старший, младший —
не разберёшь.
будут книги в асфальт закатаны. но слепой,
возложив персты
на те гусли-погуды атомны, скажет «муза — а вот и ты».

хорошо бахыту кенжееву, бо канада все сохранит,
здесь же — легкие отражения, колоколец в поле звенит,
и храпит, ожидая сабджекта, преклонясь на краткий
ночлег,
рифмоплет пп, не вписавшийся в повороты
сибирских рек.

послание к КБ или торжество садоводства

здесь когда-то прятались боги, знаю.
но античность — побоку, мимо, мимо.
не твоя ли тень в полусонной Наре,
как в норе, устроилась в теплом мире?
и пока мы ходим по кухням поздним
и стихов терзаем сухие мощи -
над тобой поет населенный воздух:
комары, созвездья, другие мошки.

ибо так сбылись слова винограда,
голоса соцветий. стоишь, растерян,
наблюдая, как оплели ограду
эти недоверчивые растенья,
лепестки и усики, камомилий
белокожих кружево — и доньне
их названья странные слуху милы,
словно галльский привкус твоей латыни.

населая дни, создавая трепет,
(черенки и почки, подвой с привоем),
сердце миру учится, сердце терпит,
телефонным занято разговором —
ошибаясь, счастья не понимая,
по небесной связи, как по тропинке —
не со мной, читающим по бумаге,
а с иным, читающим без запинки.

Герману Власову

а так? — уехать в город истра,
где будут дестра и синистра,
где будет девочка-синица
поддразнивать, антисемиться.
там желтый дым рядов торговых,
и белый свет палат столовых,
и синий туполева купол
с оврагом небо перепутал.

а так? — дни будничны, а празднич —
есть опрокинутые навзничь,
из голенища — самогонку
для лёгкой жизни салажонку.
и — не мешай, молчи, катарсис —
ты приглашаешь всех на танец,
когда мотив щекочет нервы,
противный, конченный, манерный.

а так? — став маленьким и плоским,
упасть за дальним перекрёстком —
и мир встаёт, цветной, подробный,
огромной картою объёмной,
пока, распятым и нетленным,
под чёрным полиэтиленом
тебя увозят в санитарном
путём пленительным и тайным.

как трубит поутру пустотелый горнист
испытующий музыку сфер
как вперяется взор бессловесен и чист
лучшей девушки ссср
к старшей младшая эдда приходит с утра
вопрошает какую-то чушь
на готических крышах звенят флюгера
от внезапно нахлынувших чувств
этой крови люблю говорю земляной
тяжкий привкус ворчание вен
и яволь я умру под твоею стеной
искупительной жертвы взамен
лишь румянец окрасивший щёки твои
на мгновенье отхлынет со щёк
и опять апфельпляц флюгельгорн соловьи
клятвы верности наперечёт
их шпацирен душа на весеннем ветру
сохраняя осанку и строй
этот матч волейбольный люфтваффе и ГРУ
это будет прекрасной игрой
без меня доиграйте радируйте счёт
отворяйте полуденный рай
по судетам аншлюс неуклюжий ползёт
в небе лёгкий летит юденфрай

Поломала жизнь, поломала, вот уже слегка надломила: она любит лётчика, мама, я опять пролетаю мимо — он крылами качает нежно, он заходит в пике над домом, столкновение неизбежно, всё, прощайте, привет знакомым.

Она любит лётчика, мэра, коммерсанта, майора МУРа, убедить её не сумела мировая литература, что у нас в инвалидной роте дух высокий, полёт нормальный — видно, зря мы бились на фронте революции сексуальной.

То есть в жизни иной, небесной, наглотавшись небесной дури, мы, конечно, взлетим над бездной, обнимая небесных гурий, из одной тарелки с богами потребляя нектар и манну, но сначала — вперёд ногами, а она всё с лётчиком, мама.

Остаётся заняться делом: штурмом взять, изумить подкопом, и на бреющем, как Отелло, показать афедрон европам, и, срезая углы и крыши, лишний раз убедиться — боже — всё равно он летает выше, всё равно получает больше.

ещё как будто — наравне со всеми.
но как в тебе смеркается, звеня,
прошедшее продолженное время.

давным-давно забывшая меня.
а за окном купе — ночная темень.
ночные темы в поисках огня.

кузнечиков взволнованное племя.
я принимаю на себя вину.
куда ты едешь? ну куда ты едешь?

толстовщина. непротивление сну.
во сне мы — рядом. рвём цветы и вереск.
и ты приедешь в южную страну.

сойдёшь на запалённый полустанок.
кусты. пристанционный водоём.
весь натюрморт из трещин и обманок.

мы после смерти жизнь не узнаём.

Стихи из Феодосии

I.

черноморы-мои-азовы, голубой налёт винограда.
мне — билет до четвёртой зоны, дальше — пёхом до
эльдорадо.
дальше трещины и мозоли — что расхвастался? —
всем даются,
черноморы-мои-азовы, шелуха цветных революций.

золотая пыль на ладони. две крупницы на три прихлопа.
поклонюсь вину молодому — и вітаю тебе, европа,
ибо греческому обломку не к лицу ни плач, ни чернила.
князь потёмкин — тебе котомка от потомков:
верёвка, мыло.

я устал, выполняя норму — наступленья да отступленья.
пересадочная платформа — пересадка органов зренья.
погляжу глазами катрана — я ведь тоже хазар по крови.
из херсона шепчет кабанов на кипчакско-татарской
мове.

я из умани, но водою окрестили меня насильно.
я в солёную тьму зарюю голос с привкусом керосина,
и пойду ходить плавниками, вторя возгласам
«тю, скаженный»,
с полупьяными рыбаками соревнуйсь в стихосложеньи.

II.

То море не давало спать, то лунный луч бродил по
саду,
то тень ложилась на кровать, напоминая мне
Кассандру,
то звонко капала в поддых, вилась, судачила,
шумела
вся свора бабочек ночных, живая клинопись Шумера.

И, засыпая, я проник меж трав сухих, вдоль ночи
и мой хитиновый двойник взлетел над бухтой
где, опустив сравнений ряд, расталкивая мух
детальным зреньем небогат, я видел только воздух,
воздух.

Так, наступающей зиме не придававшие значенья,
мы оставались на земле — членистоногие кочевья,
личинки новых холодов, кропатели стихов и прозы
и пролагатели ходов в пластах старинной целлюлозы.

А там — лови, сажай в эфир, перечисляй латынью
ботаник, мальчик, новый мир, светловолосый сын
ты тоже ночью не заснёшь, взлетев над тем же
пройдя, как чёрный узкий нож, горячим воздухом
знакомым.

здесь, в соседней квартире, рядом,
в годы тихие икс и игрек,
та, чью жизнь задавали на дом,
проживала в цветах, финансах,
безделушках, любовных играх.

наберёшь, запинаясь, номер —
и услышишь сердитый голос.
так звонили ей все, кто помер —
сто поклонников телефонных —
и дышали в трубку, знакомясь.

проходите и встаньте с краю.
вас фотограф запечатлеет.
в некий миг, на опушке рая,
я здесь тоже пыль вытираю,
практикую любовный лепет.

тут ещё кое-что осталось:
светлый дым коридоров, комнат,
после сцены — диван, усталость,
две пластинки мариин каллас...

жизнь прошла. тетрадь потерялась.
поднимите руку, кто помнит.

еле слышно прошепчет: «дель фьори...», потом —
тишина.

он растерянно всхлипнет — что делать с
полученным знанием? —
и поедет, — «покойница», — всем повторяя, — «жена»,
этот звук из воды и стекла посчитав завещаньем.

не красавец и, в общем, не молод — скорее, брюнет.
на неловкий английский язык итальянский меняя —
на банкноту потёртую — пригоршню звонких монет —
с пересадкою в вене доедет до тёплого края.

от сиянья небес воспалённые веки дрожат,
и срывается голос, и вид — виновато-нерезкий.
проведи его, боже, от чопорных венцев, пражан —
в этот город, где купол тебе начертал брунеллески.

покажи ему строгие облики местных мадонн,
тормоши, тереби, заглушай перезвоном вопросы,
познакомь его с бьянкой, лаурой, розиной, потом —
со знакомою тенью — куда ж без неё, горбоносой?

он ещё здесь осядет. он в роды и роды пойдёт.
он прославит уффици своей монографией дивной,
он не будет шарахаться, нет, от фиакров, пролёт-
ок, такси и мопедов, вот этот синьор нелюдимый.

а пока что стоит он на пьядце, слегка не в себе,
фотоснимок покойницы держит — не стало бы хуже.
так судьбе не дают затянуть свою петлю потуже.
так мешают судьбе.

остров Небо

памяти Иры

...и себя этой прорве отдай.

Генрих Сагир

по ошибке завёл на четыре утра. так звенел, что уже не уснуть. керосинова плоть, бертолетова ртуть да вольфрамона тонкая нить. снова снилась. пыталась прорваться и жить. приходилось опять обмывать, хоронить, и в трамвае сдержаться, не дать уронить в эту грязь, огрызаясь «хамьё».

за окном корневая теплеет Москва,
и бледнеет испуганная синева,
что земля окружает ее.

отводил эту землю руками, когда подступала в сиреневые холода, притворяясь, что зелень, тепло и вода, а сама всё ждала проглотить, превратить в свою кровь, опустить в никуда. вот поэтому знаю теперь: ты не в ней, а на острове Небо, клочке синевы, в обороне от почвы, от прелой листвы, от червей, от Уитмена, листьев травы, я тебе помогу, помогу,

лёгкий шарф голубой сохранию, сберегу,
бестолковые боли дарую врагу,
потаённые страхи сожгу.

ты не бойся, сиди, свесив ноги с небес. ты любила качели, берёзовый лес (у тебя он на острове есть), и старинные лоции: помнишь, как там начитавшийся Верна чудак-капитан островок, у нормандских затерянный скал, «остров Немо» когда-то назвал? опечатка картографа, карта таро, «остров Небо» читаешь — и свет под ребро проникает в адамовом сне.

и летающий остров — всё ближе ко мне.
всё синей.

теки водой не поминай обид
круги исчезнут ветер налетит
и стихнет и тебя не потревожит
и взламывая время сургуча
прочтёшь письмо и говоришь ничья
вода не хочет а земля не может

теки водой приснишь кому-нибудь
в день пасмурный как медленная ртуть
в день солнечный как разрешение зноя
то что уже не может тут не быть
не капать не журчать не растворить
знобящее ни доброе ни злое

снимай усталость другу и врагу
пускай стоят мычат на берегу
на языке неведомого стада
не забирай оставь им это всё
глянь мельница заденешь колесо
и вот скрипит вращается как надо

пусть на мосту пролегшем над тобой
стена на стену каждый рядовой
зачинщиков мелькание и крики
пускай в тебя сливают нефть и яд
и в зеркало с высот своих глядят
два новгорода нижний и великий

Два слова вдогонку

Обилие культурных ассоциаций и реминисценций в поэзии может означать две вещи: либо автору нечего сказать, и он выстраивает забор, за которым прячется (даже крепостные стены, как Брюсов), либо это и есть его язык. Думаю, что наставники, заклинавшие в ранней юности меня самого против этой напасти, которую именовали литературщиной, не имели в виду ни того, ни другого: просто единственная правда, которую было тогда положено писать, не касалась ни литературы, ни жизни.

Время единственной правды прошло, а вот былая опасность по-прежнему подстерегает тех, кто прячет за атрибутами недостаток сущности. Но даже короткого знакомства со стихами Геннадия Каневского достаточно, чтобы понять, что они — не из этих. Помимо мастерства в них есть и искренность, и они не распадаются на свое и чужое, как масло и вода. Тут даже незачем прибегать к великому покровительству Мандельштама, который хозяйничал в этой античности как у себя на заднем дворе. Качество не апеллирует к авторитету — брэндов, к счастью, в поэзии еще не ввели, пусть некоторые и пытаются. Этот взгляд на вещи мне очень близок: земля — наш дом, а ее история — наша жизнь в этом доме. И вовсе не историю воспевает здесь автор, у нас нет сомнения, что он говорит с нами о своей и нашей судьбе с ее радостями и трагедиями. Но когда он прибегает к культурным параллелям, остается впечатление не искусственности, а свободы.

Такая манера письма складывается в свою закономерную форму, которая не претендует на революционность. Слишком часто эти мелкие революции по чужим чертежам оборачиваются темницей, из которой не видно ничего, кроме собственной бесконечной репетиции комнатного мятежа. Вергилию традиция Го-

мера не мешала, Каневскому не мешают Пушкин или Тютчев.

Это, конечно, не попытка критического разбора, но и не взятие «под высокую руку» — я никак не убежден в наличии у меня таких полномочий. Мне просто кажется, что Каневский — уже во многом сбывшийся и сбывающийся поэт, и я рад, что он существует. Мне хорошо быть с ним в одной литературе, он — из числа тех соседей, в чью сторону смотришь с улыбкой.

Алексей Цветков
Октябрь 2005 г.
Прага.

СОДЕРЖАНИЕ

I. КАК (2004 г.)

«я полежу еще знаешь...»	9
«мне пора отвыкать от моей жизни...»	10
«— Когда лениться надоест...»	12
«По второму каналу опять — сериал...»	13
«вагон метро. круговорот теней...»	14
«Не грусти. Не реви. Я...»	15
«На закате — перевернутое небо...»	16
«Говори, галерник. Ты первый, кто воротился, но...» ...	17
«Фонари над предместьями Рима...»	18
«Твои горшечные растения...»	19
«Се — наша родина: изюм, сабза, урюк...»	20
«Надо бы жизнь начинать с запятых...»	21
«В том августе, в той середине сна...»	22
«Словно сонмы ангелов, поющих над бездною...» ...	23
«Кто жизнь, будто пулю в ночи, расписал...»	24
«кряхтит пророк в отечестве своём...»	25
«Ангел спустился с небес, принес весть...»	26
«— карточку-заказывали-ну-что-там...»	27
«я живу за стеной — ты живешь за стеной...»	28

II. ЕСЛИ (1993–2003 гг.)

«Мати Севера, плавная Нево...»	31
«Ты была мне дана, словно зренье и речь...»	32
«Лето. Жара и томление духа...»	33
«Жить в холодной стране. Холоднее, чем эта...»	34
«Утихнет ветер. И тогда...»	35
«Ты спала, и мир умирал во тьме...»	36
Вариации	37
Terra Australis	39
Вариации-2	40
На хлеб (Из «Трех благословений»)	42
«У моря шепот Бога...»	43
«В переходе через тьму...»	45

«Я сижу в середине Москвы на потертой скамье...»	46
«Лучшая из моих масок мной еще не надета...»	47
«По утрам купаю губы в шоколаде я	48
«Поезд, ход замедляющий...»	49
«Лето забытое. Желтый подсолнух на синем...»	50
«Да, скифы мы. Да, азиаты мы...»	51
«Начинай. Мне уже не осилить четвёртой октавы...»	52
«Походкою хмельною...»	53
«Ты черкни мне. Я пойму...»	55
«Бумажный змей исчез, покинув тёплый дом...»	56
«Свежая рыба у Яффских ворот...»	57
«Что ж, начинай собирать чемодан, Улисс...»	58
«Чисто московские вещи...»	59
«— О чём ты бежишь, утренний бегун в парке...»	61
«Эта кожа прилипла к тебе под дождем...»	62

III. БЫ (2005 г.)

Заклинания Святогорского уезда	64
«стоящий за окном театр провинциальный...»	67
«завалило снегом, снами...»	68
«ты нищая страна с раскосыми глазами...»	69
связист I	70
связист II	71
«как если бы жизнь начиналась — окном...»	72
[translit]	73
«проникает в сон поутру голос. не земной...»	75
«ногтём нелепый узел поддеваем...»	76
«Левша, тебя надули: пред тем, как в землю лечь...»	77
«петродождь с петроградом с утра недостатки...»	78
«в этой жизни отдельной...»	79
«зимний, белый — сахарной ватой...»	80
послание к КБ или торжество садоводства	81
«а так? — уехать в город истра,	82
«как трубит поутру пустотелый горнист...»	83
«ещё как будто — наравне со всеми...»	85
Стихи из Феодосии	86
«здесь, в соседней квартире, рядом...»	88

«еле слышно прошепчет: «дель фьори...»...»	89
остров Небо	90
«теки водой не поминай обид...»	91
45-я («Прощальная»)*.	92
Два слова вдогонку	94

Геннадий Каневский

КАК ЕСЛИ БЫ

Верстка Н. Ямаковой
Корректурa авторская
Художник Дм. Горчев

Изд. лицензия ЛР № 065684 от 19.02.98
Подписано в печать 02.12.05. Формат 84x90^{1/32}
Гарнитура Петербург. Печ. л. 6,25

Отпечатано издательством «Геликон Плюс»
Санкт-Петербург, В.О., 1-я линия, дом 28
E-mail: info@helicon.spb.su
http://www.helicon.spb.su